

Говоришь, что любишь дождь,
Но гуляешь под зонтом.
Говоришь, что любишь солнце,
Но ищешь тень, когда оно светит.
Говоришь, что любишь ветер, но,
Когда он дует, закрываешь окно.
Вот почему я боюсь,
Когда ты говоришь,
Что любишь меня.

Боб Марли

ГЛАВА 1

Вероника

Был октябрь. Начался отопительный сезон, в квартире пылали батареи, а она мерзла. Просто зуб на зуб не попадал. Еще недавно она спала в обнимку с Денисом, прижимаясь к нему всем телом, но вот уже неделю как ей приходилось спать одной на широкой кровати. Она вертелась всю ночь, пытаясь найти положение, которое помогло бы ей заснуть, но оно не находилось. То подушка казалась слишком мягкой и плоской, и тогда ей представлялось, что она продавливает ее своей слишком тяжелой головой, то одеяло — пуховое — становилось слишком

легким, холодным. «Мне надо научиться спать одной», — твердила она себе, включая посреди ночи лампу, подкладывая под подушку мягкий валик и натягивая повыше второе одеяло. Надо научиться, но — пока что не получалось. Словно от нее отрезали половину. Половину Вероники отсекали, и оставшаяся часть истекала кровью и одиночеством.

Еще появилась у нее нехорошая привычка курить ночью. Вероника вставала, набрасывала теплый халат и отправлялась на кухню, наливала себе горячего чая и закуривала сигарету. А что было делать? Бессонница — злая и опасная штука. Она выпивает из тебя все силы, оставляя лишь пустоту и горечь от осознания собственного бессилия перед сложившимися обстоятельствами.

Два года тому назад, когда она приняла решение выйти замуж за Дениса, разве могла она предположить, что не их личные отношения, а существование на белом свете Макса и его конфликт с отчимом могут повлиять на брак? Что неприязненные отношения обоих мужчин, как она их называла (хотя Максу было всего четырнадцать), отравят их любовь и заставят Дениса бросить ее и уйти.

Понятное дело: перед тем как выйти замуж, она разговаривала с сыном, советовалась с ним, говорила, что никогда не причинит ему боль своим замужеством, если он только не захочет этого, и Макс, тогда еще двенадцатилетний, совсем мальчишка, никогда не видевший своего настоящего отца, успокоил ее, сказав, что совсем даже и не против, что дядя Денис будет жить вместе с ними. Мол, это даже «прикольно». У них могут быть общие интересы: компью-

терные игры, походы в пиццерию, в цирк, который Макс так любит. Словом, он воспринял замужество матери вполне нормально, даже как-то не по-детски спокойно и мудро. «Главное, — сказал он, обнимая ее, — чтобы у тебя, мамочка, было все пучком. Чтобы ты была счастлива». Сейчас, вспоминая это, она не может не плакать. Ей кажется это несправедливым, жестоким, что все случилось именно так! Тем более что начиналось все очень даже хорошо.

Денис сразу же подружился с Максом, дарил ему дорогие подарки, вечерами играл вместе с ним в его игры, возился с его уроками, они вместе ходили на футбол, в пиццерию, да и вообще они довольно-таки много времени проводили вместе, привыкая друг к другу, стараясь найти друг в друге все самое хорошее.

И так было до тех пор, пока Денис как-то раз, когда они были с Вероникой вдвоем, не спросил ее, почему Макс ест котлеты без гарнира.

— Ну, не знаю, — ответила она, смущаясь. — Просто ему не нравится гарнир. Если есть салат, он положит себе немного... А что, Денис?

— Да нет, ничего... Забудь. И вообще — извини... Пожалуйста, не подумай, что мне для твоего сына жалко котлет... Это другое... Не знаю, как сказать.

Лариса, подруга, с которой Вероника поделилась этим эпизодом, прокомментировала все очень просто и по-житейски:

— Он не жмот, твой Денис. Это понятно. Иначе не купил бы тебе прекрасный «Форд», не стал бы заваливать твоего Макса такими подарками... Здесь что-то другое. Просто он воспитан традиционно,

понимаешь? И ему мама на тарелку вместе с котлетами накладывала гречневую кашу или пюре, и это тоже нормально. Возможно, его семья жила скромно, и его мама считала, что дешевле было бы съесть две котлеты и пюре, чем пять котлет, к примеру, чтобы наесться досыта... У него это с детства, от его воспитания идет, в крови это у него, вот почему он так смутился после того, как ты спросила, какая ему разница, с чем Макс ест свои котлеты...

— Так что, мне не обращать на это внимания?

— Конечно! Забудь, и живите себе дальше.

— А что с котлетами? Макс действительно не любит гарнир. Он может, к примеру, съесть просто одну жареную картошку, но котлеты ест без гарнира...

Ей вдруг стало стыдно, что она вообще говорит с подружкой на эту тему. Ведь это, в сущности, такие мелочи!

Однако буквально на следующий день после разговора с Денисом она положила Максу к котлетам пюре.

Макс ничего не сказал. Съел две котлеты, потом встал, положил себе еще две, съел их, улыбнулся и сказал, что он — мужик, что ему нужны силы или что-то в этом роде, а потому он предпочитает мясо. Вероника перехватила взгляд Дениса. И ей показалось, что он смутился. Что его вся эта сцена как-то напрягла.

Перед самым Новым годом Вероника подхватила грипп и сильно, долго болела. И раз сквозь тяжелую дремоту услышала разговор Дениса с Максом. Они беседовали в коридоре, между спальней и кухней.

— Послушай, Макс, ты уже взрослый мужик. Я с самого утра на работе, у меня весь день распи-

сан по минутам, ты знаешь, я зарабатываю деньги... Видишь, мать болеет. Возьми пылесос, приберись, вымой полы, посуду, свари ей куриный бульон... Все это не трудно. Проследи, чтобы она вовремя пила лекарства... Я привезу, куплю все, что нужно, ты знаешь... Но необходимо, чтобы дома было чисто, чтобы комнаты проветривались, чтобы у твоей мамы была еда. Я сейчас приготовлю ей еду на завтра, так ты согрей ей на обед суп, запеканку, принеси ей все это на подносе, завари шиповник, почаще готовь чай с лимоном... Она увидит, как ты ее любишь, и скорее поправится. Она будет чувствовать твою заботу...

Несколько секунд за дверью было тихо, после чего Вероника услышала голос сына, но ледяной, какой-то чужой:

— Ты мне не отец, а потому не указывай, как мне себя вести. Я сам все знаю и понимаю. Надо будет, сварю ей и суп, и чай заварю. И не надо изображать из себя такого уж крутого мена! Думаешь, когда тебя здесь не было, я не ухаживал за мамой? А кто в аптеку для нее ходил? Кто ей помогал? Конечно, у нас никогда не было много денег, но ничего, как-то жили, с голоду не померли... А ты, значит, думаешь, что раз у тебя много бабок, то ты можешь мне указывать, как себя надо вести?

— Макс!

— Тебя просто бесит, что я все свободное время провожу за компом, вот и все. Но это — моя жизнь, и не лезь в нее. Живешь с моей матерью, и радуйся.

— Ладно, Макс... Считаю, что я тебе ничего не говорил... — В отличие от манеры беседы Макса тон, которым Денис разговаривал с ним, был дружелюбным, осторожным.

Макс обидел Дениса. Это было очевидно. И, судя по всему, это был не первый их разговор в таком духе. Значит, при ней они стараются вести себя как отец с сыном, а наедине общаются таким вот отвратным образом?

Ей стало так больно, так тяжело на душе, что она весь оставшийся день, вплоть до вечера, проплакала. Нос у нее распух, горло болело, она постоянно кашляла, и еще эти слезы... Получается, что Макс несчастен? Он, несомненно, ревнует ее к Денису, а Дениса и вовсе ненавидит. И что теперь делать? Как ей себя вести? Конечно, надо поговорить с Максом и все ему объяснить. Признаться в том, что она случайно подслушала их разговор, что это не Денис ей передал его суть, просто так все вышло. И... что он скажет? Как себя поведет? Обманет ее, скажет, что у него прекрасные отношения с Денисом?

Вечером он заглянул к ней, чтобы сказать «спокойной ночи», и она, жестом показывая ему, чтобы он не приближался к ней — она может его заразить, — чтобы оставался на пороге спальни, спросила тихо, так, чтобы находившийся в кухне Денис не услышал:

— Макс, что у тебя с Денисом? Я слышала сегодня, как ты с ним разговаривал... У вас конфликт?

— Ничего, все нормально! — улыбнулся Макс. — С чего ты взяла?

— Я слышала, Макс... Он просил тебя помочь по дому... пропылесосить...

— Ма, успокойся. Все нормально. Хочешь, я прямо сейчас полы помою?

— Дело же не в полах, сынок, ты все понимаешь... Скажи, что мне нужно сделать, чтобы ваши отношения наладились?

— Ма, у нас все нормально.

— Но я слышала!

— Просто я был не в духе, вот и все. Успокойся. Главное сейчас — чтобы ты выздоровела.

Она чувствовала, что между Денисом и Максом что-то происходит, хотя при ней они старались вести себя так, как если бы и на самом деле у них были прекрасные отношения. Ну или хотя бы нейтральные. Однако уже спустя месяц она стала замечать, что Макс пользуется своим положением обиженного пасынка для того, чтобы избежать любых нареканий с ее стороны. Так, к примеру, когда она глубокой ночью, чувствуя, что он не спит, заглядывала к нему в комнату и просила выключить компьютер и лечь спать, он, глядя ей прямо в глаза каким-то нехорошим взглядом, комментировал:

— Это твой муженек тебя послал, это он хочет, чтобы я поскорее уснул, чтобы не мешал вам, да?

Если он возвращался домой после полуночи — а она не знала, где он был и с кем, места себе не находила, переживала, обзванивала его друзей, — то в ответ на ее упреки он отвечал всегда одно и то же:

— У тебя своя жизнь, у меня — своя. И оставь меня в покое. Я взрослый!

Но только — какой он взрослый?! Мальчишка, страдающий от ревности и в глубине души крепко жалеющий о том, что дал свое согласие на брак матери с Денисом. Вероника жалела сына, пыталась

его как-то задобрить, но после очередного подарка всегда слышала:

— Ма, ты что, пытаешься меня купить?

Так обидно было, и главное, она никак не могла придумать, как себя вести с Максом. Вся та дружеская привязанность, которая существовала между нею и сыном и питала обоих все то время, что они жили вдвоем, помогая друг другу во всем и понимая друг друга, вдруг исчезла, уступив место ледяным упрекам или жестокой недосказанности.

— Макс, ты что, хочешь, чтобы я развелась? — спрашивала она его в порыве отчаяния, когда понимала в очередной раз, что давно устала разрываться между сыном и мужем. Спрашивала, хотя заранее знала, что — независимо от его ответа — все равно останется с Денисом, что не сможет из-за эгоизма и подростковой незрелости сына расстаться с мужчиной, которого любит и который любит ее.

— Я тебе такого не говорил, — отвечал Макс хмуро. — Ты женщина, что с тебя взять?

Он стал разговаривать с Денисом каким-то другим, странным, чужим тоном. Он вырослел, и вместе с ним вырослели его фразы, взгляды, молчание.

Конечно, он мог слышать иногда какие-то звуки, доносившиеся из их спальни. И его, возможно, бросало в дрожь от того, что он представлял себе, слыша какие-то скрипы, шорохи, голоса, постанывания...

— Денис, мы не должны делать это, когда Макс дома, — однажды, не выдержав, сказала Вероника мужу. — Думаю, именно это его раздражает.

— Но мы же и так тихо...

— Пойми, я ищу причину, из-за которой он стал так относиться к тебе, ко мне... Я не знаю, что с ним происходит...

— Просто он ревнует. Раньше ты принадлежала ему, а сейчас — мне.

— Но я не принадлежу тебе! И ему я тоже никогда не принадлежала! Я не вещь какая-то, я — сама по себе!

— Все это глупости, Вероника. Скажи своему сыну, чтобы он чистил зубы и мыл уши. Большой уже мальчик.

— Но он и так чистит зубы!

— Он курит на балконе, когда думает, что мы его не видим и ничего не чувствуем.

— Я сама в это же время начала курить.

— Плохо.

— Скажи, что я плохая и плохо воспитала своего сына!

— Он страшный эгоист, разве ты не замечаешь? А еще — лентяй, бездельник! Плохо учится, комнату свою не убирает, ему даже постель трудно застелить... Носки грязные повсюду!

— Денис, остановись! Ты и сам разбрасываешь свои носки!

В такие минуты и она тоже, к своему ужасу, жалела, что вышла замуж за Дениса. А как красиво все начиналось! Цветы, ухаживания, рестораны, театры, долгие прогулки по ночному городу, любовь, любовь...

И первые месяцы их совместной жизни были наполнены радостью новизны ее изменившегося положения, красивыми вещами, новой мебелью,

покупкой машины для нее... Конечно, живя с новым мужчиной под одной крышей, она понимала, что романтики поубавится, появятся новые заботы, хлопоты и, возможно, возникнут разочарования, связанные с бытом. Но они благополучно пережили все это, начали привыкать друг к другу, пока наконец не поняли, что просто созданы друг для друга. И вдруг — этот беспочвенный, как она продолжала считать, конфликт Макса с Денисом. Неужели действительно — ревность?

Макс стал возвращаться домой очень поздно, запирался в своей комнате и молчал на ее просьбу открыть дверь и поговорить. Все вокруг нее как-то незаметно начало разрушаться.

— Скажи этому, своему, — говорил иногда Макс, — чтобы он вытирал воду после себя на полу в ванной.

Или:

— Скажи своему уроду, чтобы он не чавкал за столом!

Но Денис никогда не чавкал. И если он оставлял на полу брызги от душа, она сама спешила поскорее протереть пол. То же самое она делала, когда из ванной комнаты выходил Макс. Всеми силами Вероника пыталась сгладить конфликт или вообще не доводить дело до него. Металась между сыном и мужем. Любила обоих, но по-разному и не желала никому причинить боль. Но растущее раздражение между ее мужчинами все же в один далеко не прекрасный день взорвалось настоящей бомбой, когда у Макса случилась истерика:

— Пусть этот урод уйдет! Ну пусть он уйдет, ну пожалуйста! Мне не надо от него ничего! Я ненави-

жу тебя, ты понял?! Без тебя мама никогда не плакала, а с тех пор, как ты пришел, она постоянно рыдает! Ты превратил ее жизнь в ад! Раньше она каждое утро делала мне бутерброды. Намазывала масло на хлеб, а появился ты — и она как бы стесняется это делать: мол, делай, Макс, сам! Это ты ей подсказал, умник?! Я-то могу намазать маслом хлеб, но мне приятно, когда это делает моя мама. Тебе этого не понять... Да и не надо! Ты нам — чужой, понимаешь?

Он нес еще много разного, абсурдного, обидного и, быть может, вполне справедливого. Все, что накопилось в его душе и мешало ему нормально жить и радоваться этой жизни. И про котлеты он вспомнил, которые теперь ему приходится есть с оглядкой, и рыбу, которую он терпеть не может, но которую она жарит Денису, как утверждает Макс, чуть ли не каждый день, и что вся квартира пахнет ненавистной ему рыбой.

Оказывается, она гладит Денису рубашки, а Макс у дает невыглаженные вещи. Но у Макса подобрался такой гардероб, что можно спокойно и не гладить вещи, они после стирки выглядят как глаженные. А вот рубашки Дениса, дорогие, хлопковые, не гладить просто невозможно, особенно если учесть, какое положение он занимает и сколько человек находится в его подчинении! Он просто обязан выглядеть чистым, опрятным, элегантным, и все такое.

Не забыл Макс и о компьютере, об Интернете. Сказал, что знает, как сильно раздражает всех их, взрослых, когда он подолгу сидит перед монитором.

— А это — вся моя жизнь, понимаете вы или нет?! Интернет — это связь с внешним миром, с моими

друзьями! Это музыка и новые фильмы, это разные приколы, о которых вы и не догадываетесь. Интернет — это целый мир, и я в нем чувствую себя как рыба в воде! И оставьте меня в этой воде, не дайте мне задохнуться без моей среды!

Оказывается, он в свои четырнадцать лет повзрослел настолько, что научился оперировать сложными словами и понятиями. Но главное, что он страдал и рассказал им с Денисом о своих страданиях. И получалось, что каждая минута, проведенная в квартире рядом с Денисом, который раздражал его буквально всем, причиняет ему боль, и он не знает, как поступить, что сделать, чтобы облегчить свое существование.

В тот день и Вероника была близка к истерике. Она смотрела то на Макса, раскрасневшегося, взмокшего, растрепанного и несчастного, выплевывавшего упреки и обвинения, то на Дениса, побледневшего и стиснувшего зубы, и понимала, что надо что-то сделать, чтобы весь этот кошмар кончился. Она даже представила себе, как идет в ванную и режет себе вены, но от представленного ей стало еще хуже. Что она этим докажет? Покалечит себя, позволит поставить себя на учет к психиатру, но самое ужасное — еще больше травмирует и без того ставшего очень нервным Макса.

Глаза ее в тот момент были полны слез, в теле дрожала каждая жилка, оно казалось слабым, хрупким. Она вдруг в какой-то момент поняла, что заболела. Что не может сдвинуться с места. Она оказалась в тупике, уткнувшись носом в воображаемый угол, такой ослепительно-белый, оштукатуренный

и пахнувший влажным мелом. Влажным от ее слез, которым не было конца.

Да что в конце-то концов произошло? Ведь ничего такого, что могло бы довести подростка до такого состояния. Неужели это и есть та самая ревность мальчика к отчиму, о которой она так много читала, но к которой оказалась совершенно не готова?

Денис тем же вечером ушел. Собрался, взяв самое необходимое, сказал ей, что не хочет причинять боль Макс, ему, вероятно, нужно время для того, чтобы осознать, что мама вышла замуж, и ушел. Она, глядя ему в спину, перед тем как закрыть за ним дверь, хотела спросить: «Ты вернешься?» Но — не спросила. Почувствовала себя брошенной не только сыном, но и мужем. Вместо того чтобы успокоить ее, приласкать, как это бывало раньше, прижать к себе и сказать: «Мол, ничего, все утрясется, мы вместе все это переживем», — он ушел. И спина, которую она провожала взглядом, казалась ей тогда чужой. Пришел чужой мужчина, на два года стал ей родным, а потом, словно ему надоела эта роль, вновь стал для нее чужим.

— Ну и уходи, — проговорила она тихо, едва шевеля губами. Ее челюсть словно свело судорогой. Ей было так худо, что она плохо помнила, как вообще закончился этот день, этот вечер.

Спустя несколько минут ушел и Макс. Ушел — и не вернулся ночевать. Правда, позвонил, сказал, что заночует у Капитана. Капитан — было прозвище его лучшего друга, одноклассника Сергея Капитанова. Хорошая семья, родители — люди творческие,

музыканты, вечно на гастролях... Неизвестно, чем подростки занимаются, пользуясь тем, что их не контролируют. Скорее всего, играют в свои компьютерные игры, погружаются в сказочные миры... Хотя, может, они курят и пьют пиво? От Макса в последнее время все чаще и чаще пахло табаком и алкоголем. Вернее, именно пивом.

Денис ушел, и жизнь Вероники остановилась. Сначала она воспринимала его уход как предательство, потом заскучала, целыми днями плакала. Денис не звонил, и это было самым страшным. Значит, он действительно бросил ее! А ведь мог бы позвонить, спросить, как она, жива ли, здорова?

Макс, видя, что мать плачет, злился на Дениса еще больше. Называл его уродом, хлопал дверями, швырял предметы, шипел какие-то еще, одному ему известные ругательства, и видно было, что он не успокоился с его уходом, что продолжает нервничать. Вероника предположила, что Макс где-то в глубине души уже и пожалел о том, что способствовал уходу Дениса.

Подружка Лариса без колебаний прокомментировала поступок Дениса как трусость в ее классическом виде. Испугался трудностей, не сумел найти общий язык с мальчишкой.

— Поскольку это вы внесли изменения в его жизнь, вы и должны были приложить все усилия, чтобы Макс не страдал, — заявила она безапелляционным тоном. — Надо было дать ему больше свободы. Хочет он играть сутками напролет в свои игры — пусть играет. Все лучше, чем шататься по

улице. И замечания могли бы ему не делать. И пусть бы он ел свои котлеты, хоть десять штук зараз! Не обеднели бы! И какая разница, собственно говоря, в какой семье воспитывался сам Денис и что там его мать накладывала ему в тарелку, макароны или гречку? Это его жизнь, а у вас с самого начала было заведено есть котлеты без гарнира.

— Лара, ну при чем здесь котлеты?!

— Котлеты действительно ни при чем. Но вот Денис-то раздражался каждый раз, когда видел, как твой Макс ест! И это тоже плохо. Надо было Максика оставить в покое, время все расставило бы на свои места. Как мазала ты ему хлеб маслом, так и надо было продолжать. И вообще, тебе сыну своему надо было уделять больше внимания. Видишь, Денис целыми днями пропадает на работе, а ты предложила бы Максиму отправиться куда-нибудь: на пикник, на рыбалку, на концерт его любимой группы... или просто поехать с ним по магазинам и купить ему то, что он хочет. Не просто дать ему деньги, а поучаствовать в его жизни, попытаться понять, чем он живет, что ему хочется иметь, что ему нравится.

— Сейчас-то я все это понимаю, — Вероника умывалась слезами, — но тогда мне казалось, что мы с Денисом...

— Да не с Денисом надо было, а вам вдвоем — только ты и Макс! Он не должен был почувствовать, что ты отдалилась от него, что любишь Дениса больше.

Лариса не представляла, что своими разговорами она еще больше ранит Веронику.

После ухода подруги с ней случилась настоящая истерика. Вероника так плакала, что голова ее слов-

но бы до краев наполнилась слезами и гудела, болела, кружилась. Макс нашел ее в спальне, под одеялом, когда ее колотила нервная дрожь.

— Мудак он, твой Денис! Ну, подумаешь, поссорились, в какой семье не бывает? Уйти, хлопнуть дверью — самое простое, что можно было сделать в этой ситуации. У меня нервы сдали, признаю, но он-то — мужик, должен был вытерпеть и найти в себе силы, чтобы успокоить тебя. Ты-то в чем виновата? Ма, ты что, действительно так любишь его?

Она что-то промычала в ответ. Лицо ее опухло от слез, глаза вообще не открывались.

— Убью его, урода... — процедил сквозь зубы Макс. Глаза его — голубые — заблестели, щеки разругались. — Лучше бы его вообще не было в нашей жизни!

— Ну что ты такое говоришь?!

— Он бросил тебя, понимаешь? Ему не нужны трудности. Он ведь женился на тебе, а не на мне и моих проблемах! Ему нужна была только ты, я вам только мешал... Лучше бы я ушел... Сняли бы для меня квартиру, и все бы спокойно жили...

— Макс, но тебе же только четырнадцать!

— Скоро уже пятнадцать. Я взрослый, может, ты не заметила?

— Но не настолько же взрослый, чтобы жить отдельно!

Ей вдруг стало жаль его, своего маленького Макса, с которым они до ее встречи с Денисом так спокойно и дружно жили, преодолевая трудности, безденежье, болезни. И пусть в ее жизни не было

ярких любовных переживаний, зато был Макс, его любовь, их взаимопонимание и нежность. Но ей захотелось испытать всю полноту своей женской жизни, захотелось под мужское крыло, и — чем все это обернулось? Сейчас Макс озвучил то, о чем думал, вероятно, все эти два года, скрывая, как ему тяжело уживаться вместе с чужим для него мужчиной: жить отдельно, самостоятельно! Не рано ли ему отрывать-ся от нее, от матери? Она всегда знала, что Макс будет рядом с ней вплоть до того дня, пока не пожелает создать собственную семью, занять жену, детей. Но до этого еще лет десять как минимум.

Нет, она не предала Макса, она не променяла его на Дениса, это — другое. И что же ей теперь делать? Может, на самом деле забыть Дениса, развестись с ним, даже не встречаясь, через адвоката, и продолжать жить дальше, как раньше, с Максом?

Время шло, Денис не звонил, не приходил — он исчез. Но и Макс тоже, казалось, одичал и теперь позволял себе все чаще и чаще ночевать у Капитана. Она знала, что они проводят ночные часы в клубах, на дискотеках, гуляют с девчонками, и как-то повлиять на сына, заставить его больше времени проводить за учебой у нее не хватало духа. Просто не было сил на убеждения, нравоучения, на скандалы. Хотелось зарыться под одеяло и ждать, ждать звонка от Дениса. Почему он не звонит? Пусть он обиделся на Макса, но зачем вымещать свою обиду на ней, на Веронике? Разве он не понимает, как ей больно, как тяжело?

...Вот и этой ночью Макс тоже не объявился и даже не позвонил. И телефон отключил специально, чтобы она его не доставала.

Никто на свете не знал, сколько раз Вероника порывалась сама позвонить Денису, извиниться за Макса и попросить его вернуться. Но она так и не сделала этого. Каждый раз представляла себе, что Денис ей отказывает. И как тогда дальше жить? Как это пережить?

...В то утро, когда она не могла согреться и чувствовала себя всеми брошенной и непонятой, ей удалось уснуть лишь часов в шесть. И пробуждение ее совпало с теми чувствами, которые она испытывала, обнаружив себя в зоне эпицентра землетрясения. Все вокруг нее рушилось, горело, валил дым, кричали невидимые люди, стоял жуткий гул и грохот, и она понимала, что это — конец, что она совсем одна, сейчас земля под ее ногами разверзнется и она провалится в огненную пропасть...

Открыв глаза, она, словно бы еще чувствуя запах дыма, прилетевший в спальню из ее сна, поняла, что в дверь звонят. Звонят настойчиво, ритмично, страшно.

«Макс!»

Она сразу подумала о сыне, о том, что он в беде.

Набросив на ночную рубашку халат, она бросилась к двери. Увидев полицейских, обмякла и привалилась к стене.

— Что с ним? — опередила она их вопрос.

— Ваш муж жив, но находится в тяжелом состоянии... — сказал один из них с угрюмым видом.

Она нахмурилась.

— Денис?

— Вы — Вероника Николаевна Борисова?

— Да-да, проходите... — Она судорожно сжала пальцами ворот халата и впустила полицейских, которые, как ей показалось, оба были на одно лицо, высокие, статные и молодые. — Так что случилось?

Она вдруг почувствовала облегчение от того, что с Максом все в порядке, но потом, буквально через мгновение, ее охватила волна ледяного страха: Денис в тяжелом состоянии... Быть может, он сейчас умирает, а она всю ночь думала о том, как бы причинить ему боль, позвонив и сказав, что знать его больше не желает.

— Вашего мужа, Дениса Ивановича Борисова, обнаружила сегодня утром соседка. Ей кто-то позвонил в дверь, она открыла и увидела, что дверь соседней квартиры приоткрыта, ей показалось это подозрительным. Она позвонила другой соседке, они вместе вошли туда и увидели вашего мужа на полу кухни, в луже крови, с ножом в животе. Его пытались убить, зарезать. Сейчас он находится в центральной городской больнице, думаю, вам надо поторопиться...

— Господи, какой ужас... — Она метнулась в спальню, оделась, вернулась к полицейским. — Мне с вами поехать или своим ходом?

— У нас еще один вызов, нам надо ехать. А вы отправляйтесь в больницу, мы позвоним сейчас следователю и скажем ему, где вы. Его фамилия Мирошкин. Сергей Михайлович Мирошкин. Он хороший следователь. Думаем, он поможет вам... А вы пока

подумайте, попытайтесь вспомнить: может, кто-то угрожал вашему мужу, может, у него были неприятности? Кого бы вы записали в его враги, ну, вы сами все понимаете.

— Враги?..

Она как во сне вышла из квартиры, заперла ее, спустилась на лифте вниз, села в машину и поехала в больницу.

ГЛАВА 2

Макс

За ночь они выпили весь алкоголь, какой только нашелся в квартире Капитана. Макс был близок к истерике.

— Мне нужно алиби, мне нужно алиби, железное алиби, — твердил он, глотая обжигающую жидкость и чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. — Меня посадят. Мать сойдет с ума...

— Жаль, что мои предки на гастролях, они помогли бы с алиби, — говорил Капитан, высокий черноволосый парень с синими глазами. — Тебе надо было сразу же ехать домой, к матери, рассказать ей все, и уж она-то точно обеспечила бы тебе это алиби. А сейчас утро... Зря ты отключил телефон! Уж в крайнем случае объяснил бы ей все по телефону, подготовил ее. Думаю, полицейские уже нашли тело... Тебе не надо было пить, Макс. Дело-то серьезное! Давай, поезжай домой. Возьми такси, я дам тебе денег.

— У меня есть деньги, — хмуро ответил Макс и поднялся с низкого продавленного кресла, в ко-

тором увяз, как и в своих проблемах. — Ладно, Кап, я поехал. Если бы ты только знал... Хотя тебе лучше всего и не знать...

— Чего я не знаю-то?

— Ладно, как-нибудь после расскажу.

— Я думаю, все утрясется.

— Ты знаешь наших полицаев...

— Сначала объяснишь все матери, а уж она тебе посоветует, как поступить. Наймет хорошего адвоката. Деньги-то у вас есть.

— Я ничего не знаю о деньгах... Он же ушел, и откуда мне знать, оставил он что-то матери или нет? И самое отвратительное, что, если меня спросить, зачем я все это сделал, я не смогу ответить. Просто не знаю. На меня что-то нашло! Я так ненавидел его тогда... А после того, как он ушел, возненавидел еще больше. Мать плакала, я тебе говорил... У нее глаза стали совсем красными от слез. Ты знаешь, какая моя мама красивая, да и характер у нее золотой. А я — скотина! Вот такие дела.

— Ладно. Иди. Потом позвонишь или приедешь.

Макс так и не понял, испугался ли Капитан или действительно посчитал, что ему лучше всего поехать домой? Но дома-то его как раз и схватят...

Нет, он не поедет домой.

Макс вышел на улицу, зашел в ближайший супермаркет с банкоматом, снял десять тысяч рублей, сел на автобус и доехал до вокзала. Понимая, что его будут искать, он взял билет до конечной станции — Татищево. Там он пересядет на автобус и отправится еще дальше, в одно из маленьких степных сел, почти вымерших и тихих. Снимет комнату у какой-нибудь

старушенции и будет себе отсиживаться. Матери позвонит с вокзала, из телефона-автомата, и скажет, что он в порядке, чтобы она не переживала. А вот с сим-картой придется расстаться. Если его начнут искать, то по сим-карте быстро определяют его местонахождение. Он видел это не раз в кино.

Он купил билет, зашел в туалет и долго умывался, полоскал рот, чтобы выветрился запах алкоголя и сигарет. Хотелось быть чистым, свежим и чтобы в голове прояснилось.

В ожидании электрички Макс купил в буфете теплую булку, коробку холодного молока и позавтракал. И, только придя немного в себя, позвонил из автомата матери.

— Ма, у меня все хорошо. Никому не верь. Я люблю тебя! Не переживай.

Сказал он это на одном дыхании, боясь, что его перебьют и скажут что-то страшное. Тем более что есть что сказать.

Хорошо, что он не все рассказал Капитану. Он хоть и друг, но его-то зачем втягивать в это дело? Хотя если бы Макс ему рассказал, что произошло с ним после того, как они расстались в клубе, и если бы Кап понял его, поддержал, то друг и спрятал бы его на какой-нибудь даче. У его родителей целых три дачи, причем одну знают все друзья и знакомые, это прекрасный трехэтажный дом в сосновом бору. А вот две другие, доставшиеся им по наследству с материнской и отцовской стороны, стоят заброшенными. Продавать — жалко, много за них не дадут, но и ремонтировать их вряд ли кто станет. Вот на одной из этих дач Макс и мог бы спрятаться. Капитан при-

думал бы что-нибудь по части продуктов, попросил бы кого-нибудь из местных приглядывать за Максом...

А, ладно! Как получилось, так и получилось.

Макс купил в киоске сигареты. Подошла электричка, он сел и покатил в Татищево.

ГЛАВА 3

Вероника

Вероника вышла из палаты, пошатываясь. Она по-прежнему продолжала находиться в кошмарном сне. Стерильная белая палата, стерильное белое солнце, освещавшее белую кровать с лежавшим на ней белым, словно мертвым, Денисом, окутанным белыми простынями, оснащенным белыми трубками... Даже у медсестры, менявшей капельницу, были белые, словно искусственные, волосы. Вероника не удивилась бы, если бы девушка взглянула на нее белыми мертвыми глазами без зрачков.

Когда же наступит пробуждение?

— Вероника? — услышала она над самым ухом, повернулась и увидела молодого человека, русоволосого, с карими внимательными глазами. Из таких вот серьезных мужчин получаются хорошие, заботливые мужья и отцы. Они никогда не повышают голоса на своих близких, на них всегда и во всем можно положиться.

— Да. А вы, вероятно, следовательно? — Она продолжала плыть по своему сну, как по прохладной зыбкой реке.

— Нам надо поговорить. Пойдемте, здесь есть зона отдыха, там стоят диваны, тихо, и нам никто не помешает.

Ухоженная огромная пальма с промытыми листьями, кожаные диваны. Как много тяжелых слов услышали они за свою жизнь во время посещения больных родственниками и бесед с врачами, сколько человеческой боли им пришлось увидеть!

— Скажите, Вероника, как давно вы знакомы с Денисом Борисовым?

— Почти три года. Из них два мы состоим в браке.

— Вы знаете, что его обнаружили в своей квартире... Судя по обстановке и состоянию квартиры, ваш муж проживал там какое-то время. То есть вы жили с ним раздельно. Вы поссорились?

Вероника тотчас вспомнила все подобные сцены из кинофильмов, которые крутят по всем каналам круглые сутки. Криминальные истории, убийства, свидетели, суды, адвокаты...

— Это официальный допрос? — спросила она неуверенно.

— Да. Но вы можете не отвечать, если не хотите.

Но если она не ответит, кто знает, может, тогда они, не дай бог, заподозрят ее?

В эту минуту раздался звонок ее телефона. Номер не определился.

— Алло?

— Ма, у меня все хорошо. Никому не верь. Я люблю тебя! Не переживай.

И все. Гудки.

Ей стало трудно дышать. А лицо — она это почувствовала — просто запылало.

Макс! Объявился! Что означают его слова «никому не верь»?! Где он был всю ночь?

«Убью его, уroda... Лучше бы его вообще не было в нашей жизни...» — вспомнила она его слова, обращенные к Денису.

Макс?! Нет, этого не может быть! Он хороший мальчик. Он не способен на убийство, а ведь это — незавершенное убийство. Незавершенное! То есть человек, пырнувший Дениса ножом в живот, хотел его убить, как же иначе? Но им не может быть Макс, не может быть...

Сейчас следователь начнет допытываться, из-за чего произошла ссора, и если она скажет правду — из-за Макса, из-за его невозможности терпеть рядом с собой Дениса, то она тем самым подпишет ему приговор. Господи, да с ней ли это все происходит?!

— Я буду говорить только в присутствии адвоката.

— Хорошо. Тогда мы поедem в прокуратуру. Сообщите своему адвокату, чтобы и он подъехал туда. Время дорого, как вы понимаете. Все слишком серьезно.

— Я не арестована?

— Нет, конечно.

— Значит, я могу сейчас поехать домой?

— Да, можете.

Лицо следователя изменилось. Вместо дежурной озабоченности на нем отразились недовольство, досада.

— Извините...

Она встала и быстрым шагом направилась в сторону ординаторской. Нашла врача, оперировавшего

Дениса, начала задавать ему вопросы. Выяснила, что состояние мужа тяжелое, никто не может гарантировать благоприятного исхода дела.

Ординаторская с ее белыми шкафами, чайным столом, кафельным полом и огромными окнами тотчас распалась на пазлы, которые никак не могли собраться вместе, во рту у Вероники появился неприятный железистый привкус, после чего наступила темнота.

Она пришла в себя от мерзкого запаха нашатыря.

— Очнулись? — Она увидела склоненное над ней лицо медсестры в белой шапочке. — Вот и хорошо. Вставайте! Вот так. Быть может, мы позвоним кому-нибудь из ваших близких, чтобы они приехали за вами?

Вероника подумала, что самые близкие ее люди — это Денис и Макс. Макс исчез, Денис — исчезает...

Она приняла сидячее положение на диване, огляделась по сторонам. Ординаторская была ярко освещена лампами дневного света. Она терпеть не могла этот леденящий душу свет. Ее дом был полон разного рода светильниками с традиционными, источавшими теплый желтый или оранжевый свет, лампочками.

Позвонила подружке Ларисе. И уже набирая ее номер, она вдруг вспомнила о матери. Это как же надо было выпасть из реального пространства, чтобы забыть собственную мать?! Или же то подсознательное, что двигало ею в тот момент, само решило за нее, кто ей по-настоящему близок? Получается, что подружка Лариса, а не мама.

Мама. Она с самого начала была против ее брака с Денисом. Предупреждала Веронику, что только Макс пострадает от этих семейных перемен. Лучше бы ей оставаться любовницей Дениса, а не женой. Тогда она останется и с Максом, и с Денисом. И будет одновременно свободна. Вот что она, ее мама, Зоя Гертель, бывшая актриса, женщина сложной судьбы (как о ней обычно писали в местных газетах) и страшная эгоистка (о чем пресса, конечно, умалчивала), думала обо всем этом.

Ларису Вероника дожидалась сидя на том же диванчике, где разговаривала со следователем. Вернее, с которым она отказалась разговаривать, чем наверняка вызвала его подозрения.

И тут вдруг — еще одно озарение. Витя! Вот кому ей нужно позвонить! Виктор Иконников, друг Дениса, хороший, надежный человек, которому можно довериться и все рассказать. К тому же он может помочь и с адвокатом. Конечно, у него у самого полно забот, все-таки маленький ребенок, работа, сложные отношения с женой, бывшей танцовщицей. Но друзья на то и существуют, чтобы помогать в трудную минуту. А сейчас — как раз такая минута. К тому же Денис при смерти. Смерть — какое холодное, ядовитое слово!

Она позвонила Виктору:

— Виктор, это Вероника... Привет... Тут такое дело...

Она принялась сбивчиво рассказывать ему о том, что произошло в последние часы сегодняшнего дня.

— Так он жив?

— Слава богу, жив, — вздохнула она. — Но в очень, очень тяжелом состоянии. Ему сделали операцию, зашивали все внутри... Тот, кто это сделал, ранил его ножом в живот. Это, как говорит доктор, очень опасное ранение.

— Ты молодец, что, во-первых, ничего не сказала следователю. Понятное дело, что тебе нужен хороший адвокат, и я займусь этим вопросом — немедленно и безотлагательно. И во-вторых, ты хорошо сделала, что позвонила именно мне. Постарайся взять себя в руки, успокойся. Главное, что Денис жив. Все остальное устроится. Хотя постой... А зачем тебе адвокат? Они что, подозревают тебя?

— Нет, не думаю... Зачем мне было убивать Дениса... Но я думаю, — Вероника перешла на шепот, — думаю, что они подозревают Макса, вот в чем дело!

Вот она и озвучила то, что так мучило ее все это время. Макс! Что он хотел сказать ей своим звонком, о чем предупредить? Неужели это он пытался зарезать Дениса?! Ее нежный и чувствительный мальчик?! Нет, это невозможно!

— Ты что, Вероника?! Как они могут подозревать мальчишку четырнадцати лет?

— Ему почти пятнадцать.

— Ну и что с того?

— Понимаешь, Макс не ночевал дома, я не знаю, где он был... А недавно он позвонил мне и сказал, чтобы я не переживала и никому не верила... Он сказал примерно так: «...У меня все хорошо. Никому не верь. Я люблю тебя! Не переживай...»

— Думаешь, он как-то причастен к этому... к покушению на жизнь Дениса?

— Я не знаю! Но он не пришел домой, я — повторяю — не знаю, где он был весь вечер и всю ночь, а теперь наступил день, и вдруг — этот звонок. Виктор, мне страшно! А что, если Денис умрет и окажется, что во всем виноват Макс?.. Он глупый, может, он пришел к нему и они повздорили еще раз, Макс схватил со стола нож... Боже, мне кажется, что не выдержу всего этого...

— Ну, во-первых, Денис все-таки жив. А это говорит о том, что, когда он очнется, вспомнит, с кем он поссорился и кто ранил его ножом. А у Макса просто могут быть свои дела, вот и все! Он мог, наконец, влюбиться.

— Так что же мне сейчас делать?

— Поезжай домой и постарайся уснуть. Тебе нужны силы. А я найду адвоката...

— Постой! Как — домой?! Мне нужно в прокуратуру, с адвокатом! Меня там ждут!

— Хорошо. Поезжай туда, а я постараюсь уладить этот вопрос. У меня есть на примете один очень хороший адвокат.

— У меня есть деньги, дома, в сейфе, ты только скажи, сколько нужно, и я заплачу.

— У меня тоже есть деньги. Я благодаря Денису хорошо устроился и неплохо зарабатываю. Думаю, сейчас настал мой черед сделать что-нибудь для него. Он же мой единственный близкий друг.

— Хорошо, давай потом поговорим о деньгах, а сейчас мне пора... Буду ждать вас в прокуратуре. Фамилия следователя Мирошкин. Господи, хоть бы это был не Макс!

ГЛАВА 4**Виктор**

Виктор Иконников разговаривал с Вероникой, находясь в магазине детских товаров. Он как раз присмотрел огромного белого медведя для дочери и собирался оплатить покупку, как вдруг позвонила Вероника.

— Вам упаковать? — спросила продавщица.

— Нет, я очень спешу.

Он выбежал из магазина с медведем под мышкой, сел в машину и принялся искать визитку адвоката. С этой визиткой была связана история чудесного освобождения и оправдания его коллеги по работе, которого обвинили в убийстве жены. Женщина-адвокат, Елизавета Травина, сумела найти настоящего убийцу, и коллегу Виктора отпустили.

— Вот, Витя, если, не дай бог, влипнешь куда-нибудь, звони Лизе, она вытащит тебя из любой передрыги. Не женщина — ангел! — сказал коллега Виктору за рюмкой коньяку. — Смотри, не потеряй визитку.

Вот она и пригодилась. Виктор нашел ее в своей визитнице и сразу же позвонил.

— Травина Елизавета Сергеевна?

— Да, слушаю вас.

— Моя фамилия Иконников. У моей хорошей знакомой большие неприятности, мне нужна ваша помощь. Ваш телефон дал мне Валера Сыров, может, вы помните его?

— Да, конечно, помню.

— Так вот, мы с ним вместе работаем. Понимаете, моя знакомая сейчас в прокуратуре...

Он вкратце изложил ей суть дела, Лиза же, в свою очередь, озвучила ему приблизительную сумму гонорара.

— Мы заплатим.

— Хорошо, тогда я выезжаю. Встретимся в прокуратуре.

Вот и отлично! Главное, что она согласилась, а это уже полдела.

Сергей Михайлович Мирошкин, следовательно, который должен был допрашивать Веронику, согласился подождать еще полчаса, чтобы она успела побеседовать с Травиной.

— А вы кем ей приходитесь? — спросил он Виктора, который заглянул в его кабинет, чтобы утрясти этот вопрос.

— Я друг Дениса, — занервничал Виктор. — Мы знакомы с ним сто лет, и я просто не могу себе представить человека, который мог бы пожелать смерти моему другу. Вы не знаете, что это за человек! Добрейшей души, честнейший! У него никогда не было врагов. Может, его пытались ограбить?

— Если вы его друг, так, может, ответите мне на несколько вопросов? — скучным голосом спросил Мирошкин. В его кабинете было сильно накурено, следовательно выглядел человеком нездоровым.

— Конечно. Я знаю о Денисе буквально все!

— Тогда присаживайтесь.

Виктор сел напротив Мирошкина. Его лихорадило. Он до сих пор не мог поверить в происходящее. Но главное — Денис жив!!!